

Время славы

Странности многих художников причинили немало беспокойства грядущим поколениям. Некоторые из них доходили до прямого коварства, заставив потомков ломать копья в спорах о их жизни.

Зачем подвергать современников и потомков сомнениям относительно своей судьбы? Не желая становиться на такой путь, артист Леонид Утесов поспешил сочинить, а издательство «Искусство» выпустить в свет обстоятельное жизнеописание. В предисловии к своим «Запискам актера» Л. Утесов пишет: «Лучше уж я сам о себе все расскажу».

Держась с недопустимой скромностью, некоторые мастера приводили окружающих в отчаяние. Франс запрещал Бруссону записывать его высказывания. Настойчивому секретарю пришлось изобрести сложный способ тайных записей. Эккерман также вел свой дневник тайком от Гете. Впоследствии он сетовал на то, что иногда находил в тетрадях только отрывочные мысли и не помнил, по какому поводу они были высказаны.

В отличие от Франса и Гете Утесов поступил более благоразумно. Он не только не чинил подобных препятствий, но, наоборот, в предисловии «приносит глубокую благодарность своему другу Ф. А. Гарину, с большой любовью и вниманием помогавшему систематизировать и литературно оформить эти «Записки». Страсть к юбилеям настолько сильна у некоторых работников искусств, что они не пропускают ни одной даты, ревниво следя, чтобы она не ускользнула от внимания общественности. Скромное семейное торжество они обязательно хотят поставить в центр внимания страны!

Настроившись на юбилейный лад, Леонид Утесов спел себе самому такой восхваляющий гимн, что читателям остается лишь подивиться. Автор приступает к делу прямо. Он заявляет:

«Эта книга — обо мне».

Ни о ком ином! И дальше, жеманясь и кокетничая, он говорит:

«Читатель смущен. Он склонен утверждать, что если я двадцать пять лет на сцене, то мне по-честному лет этак пятьдесят. Так думает зачастую и зритель. Серьезная, но поправимая ошибка!.. Мне всего только сорок три года».

Гора с плеч! Тайна раскрыта, и напиши с вами, читатель, заблуждения относительно возраста Л. Утесова, наконец, рассеяны.

Революционные заслуги были у автора еще в раннем детстве. Он учился в училище, из которого «за много десятилетий» был исключен только один ученик. Это был я. Меня исключили за избиение городского раввина, преподавателя закона божьего».

Рост классового самосознания автора мемуаров шел быстрым темпом. Морскому капитану, сидевшему с пышно разодетой дамой в ресторане, он заявил:

«Я думаю о том, будет ли время, когда я сяду за такой же стол и потребую того, чего захочу».

Успех, жажда быть знаменитым волновали автора не меньше, чем социальные проблемы:

«Когда в витрине иллюзиона выставили фотографию нашего оркестра, то мне казалось, что в Одессе нет более знаменитого человека, чем я».

О своих превосходных качествах, о своих небывалых триумфах Л. Утесов общается почти на каждой странице. Его книга может служить безукоризненным руководством для саморекламы:

«Цирковые актеры считали меня чуть ли не ученым».

«Я попевал повсюду: в каждой оперетте и комедии я играл чуть ли не по две роли».

«Голос у меня, действительно, был приятный».

«Мои куплеты нравились публике».

«Моя популярность в городе росла».

Боясь, что читатель может усомниться в таком триумфальном шествии молодого артиста по тернистой дороге искусства, Л. Утесов подкрепляет самоаттестацию ссылкой на авторитет:

«Покойный Семен Юшкевич в разговоре с одесскими театрами как-то сказал: «Утесов говорит, как я пишу».

Продолжая блистательную повесть о своих преуспеваниях, Л. Утесов спешит заверить читателя, что он «всегда старался менять жанр», «искал новые формы жанра». Так, им была создана «живая газета»:

«Моя «газета» имела огромный успех, причем ко времени моего выступления скамьи эстрадного театра заполнялись до отказа. Я стал «входить в моду».

Но это — в прошлом, что же касается нынешней своей деятельности, то она значительно богаче. В припадке самовлюбленности автор записок договаривается до того, что считает современный джаз своим собственным изобретением.

Я! Мне! Мною! — излюбленные восклицания автора «Записок актера». Его успехи сверхестественны. В один вечер он выступает «в роли гимнаста, танцора, певца, скрипача, рассказчика, в опереточных дуэтах, скетче, дирижером «комического хора», цирковым рыжим — эксцентриком — и, наконец, трагиком». Он опеломлен самим собой: «Что творилось! В театрах, клубах, трамваях только и говорили» о нем, об Утесове! И вот результат:

«Это был даже не успех. Скорее какой-то бешеный фурор, необычайная сенсация. Публика неистовствовала, а галерка бесновалась».

Ясно, что такая энергичная деятельность на поприще искусства не могла

пройти бесследно. Л. Утесов с нескрываемым наслаждением приводит ответ одного из своих подражателей:

«Я ведь не виноват, Леонид Осипович, что родился на много лет позже вас. Родись я раньше — вы бы меня копировали, а теперь, когда вы все сделали, мне ничего не остается».

Самоулаживаясь таким образом, Л. Утесов приводит свое повествование к концу. Тут оказывается, что самым тяжелым бременем в его жизни является как раз то, о чем он кричит на каждой странице своей книги: слава! В последней главе Л. Утесов пишет:

«Популярность подобна медали: она имеет обратную сторону. Популярность доставляет радость, но чаще всего неприятности. Телефонные звонки, именные и анонимные письма, цветы от незнакомых, взгляды прохожих на улице и бесконечные просьбы утомляют и отрывают от работы. Иногда хочется бежать в неведомый уголок и уединиться».

Вот оно, бремя славы! Цветы и взгляды прохожих утомляют и отрывают от работы...

Досадует автор и на то, что некоторые граждане пытаются менять свое имя на имя Утесова. Приведя выдержку из «Известий», он вздыхает: «Не хочет Валентин Серохвостов быть Холмовым, Горовым, Торосовым или Скаловым, а только Леонидом Утесовым».

Взрослые и дети преследуют знаменитого артиста.

Время славы все же не согнуло Л. Утесова. Он оказался в состоянии написать книгу, которая имеет только одну положительную сторону: она показывает, каким не должен быть советский актер, от каких предрассудков, чванства и самовлюбленности должны избавиться артисты, желающие честно работать для советского зрителя.

А. ИЛЬЧЕВ.